

УДК 130.2-281.9

ТОВБИН Кирилл Михайлович, кандидат философских наук, доцент филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Южно-Сахалинск). Автор 82 научных публикаций

СОВРЕМЕННОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО: МЕЖДУ ДЕКОНСТРУКТИВИЗМОМ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ

В статье рассмотрено современное старообрядчество, превратившееся из носителя и возродителя Традиции в элемент пострелигиозности посредством информатизации, виртуализации и отсутствия бытийственной подоплеки. Ментально и интеллектуально протестуя против натиска идейности и чувственности Модерна, старообрядцы вынужденно стали использовать интеллектуальные приемы, на которых сегодня строится Постмодерн. Однако в XVII–XX веках эти приемы «наивного постмодернизма» компенсировались онтологическими основаниями естественного образа жизни и гносеологическими основаниями традиционной духовности. Без этих ментальных тормозов, уничтоженных в СССР – стране победившего секуляризма, – старообрядчество в конце XX века стремительно виртуализовалось и сегодня активно вовлекается в ментальный коллаж Постмодерна в русле модного неопундаментализма и псевдотрадиционализма. Подобные процессы происходят, изучаются и в иных версиях традиционной духовности, которые Постмодерн успешно воскрешает, выхолощивая в безболезненную для себя стилистику, не препятствующую переходу к вершине десакрализации – к превращению религии в игру. В данном исследовании, осуществленном на основе методологии Традиционалистской школы (Р. Генон, Ю. Эвола, Т. Буркхардт, С.Х. Наср, Ф. Шуон, Дж. Катсингер, Ж. Борелля, А.Г. Дугин и др.), осуществляется приложение общей редукции пострелигии к реальным параметрам нынешнего старообрядческого мировоззрения и менталитета – точнее, старообрядческого отражения в СМИ (в т. ч. старообрядческих), сегодня живущих самостоятельной жизнью в полном соответствии с канонами Постмодерна. Рассмотрены два важнейших основания Постмодерна – деконструкция и расщепление – в современном старообрядческом мировоззрении, их постепенный генезис и современное действие.

Ключевые слова: старообрядчество, православие, ретрообновленчество, творческие перетолкования, младостарообрядчество, деконструкция, ризома, Постмодерн, пострелигия.

Старообрядчество, некогда бывшее олицетворением православного измерения Традиции¹, в наши дни стремительно превращается в одного из агентов Постмодерна, причем это

превращение осуществляется с использованием именно тех ментальных технологий, на которых ранее строилась старообрядческая идентичность, традиционная и традиционалистическая.

---

¹ Свойства традиционной духовности безотносительно старообрядчества расписаны автором данной статьи. См. [21].

© Товбин К.М., 2014

Постмодерн строится на маргинальных группах, осколках, нонконформистских идеологиях [29]. Постмодерн не наполняет избранные им группировки иным смыслом – он передергивает изначальное содержание. Это «творческое перетолкование» заключается в усилении маргинализации: элементы отторгательные извлекаются с периферии и ставятся в центр. Таким образом, в старообрядчество не вкладывается иного смысла – старообрядчество искусственно дезориентируется. В гетто-группах, избираемых Постмодерном, уже есть все качества, нужные Постмодерну [26].

Одним из заметных проявлений пострелигиозности² в современном старообрядчестве является деконструктивизм. Деконструктивистские приемы были свойственны староверию изначально – в этом вопросе староверы всегда были «философским авангардом» в религиозной жизни России. Одно из первых проявлений старообрядческой деконструкции – деятельность поморцев Андрея Денисова и Александра Керженского, разоблачивших ряд антистарообрядческих подлогов [6, с. 159] теми же методами, какими современные философы-деконструктивисты обесценивают западную рациональность, а современные неопротестантские «демифологизаторы» конструируют «облегченное богословие». Впоследствии старообрядческая деконструкция, выражавшаяся в отнесении определенных святоотеческих высказываний к определенному историческому и культурному контексту, отличала староверческую апологетику. В этом смысле вершинами «старообрядческого деконструктивизма» является творчество епископа Арсения (Швецова) [5], Ивана Усова [23] и Фёдора Мельникова [15]. Старообрядчество современное уже произвольно трактует

произведения названных богословов, создавая, в свою очередь, копию с копии святоотеческой традиции [16].

Внутри каждого старообрядческого согласия имеются негласные договоренности об авторитетности некоторых собственных соборов или совещаний, определивших границы этого согласия (которое, как правило, претендует на полноту Вселенской Православной Церкви). Отношение к этим договоренностям чисто постмодернистское: оно зависит от властного авторитета иерархической верхушки и от авторитета интерпретатора-апологета-богослова. *Творческие перетолкования* – причина продолжающегося ныне дробления старообрядческих согласий. Приоритет творческих перетолкований над негласными договоренностями – отличие псевдотрадиционных движений от традиционных, держащихся бытовой общинностью и живой исторической памятью.

В ракурсе творческих перетолковываний находится и изъятие староверами отдельных периодов истории Русской Церкви и помещение их в старообрядческий контекст. Например, знаменитый федосеевский законоучитель Н.И. Заволоко в своем учебнике по истории Церкви раздел, посвященный принятию христианства руссами, назвал «История древляго православия» [12, с. 67], а о св. великой княгине Ольге писал: «От нее пошел тысячелетний поток древле-православия» [12, с. 71]. Стоглавый собор федосеевский писатель именовал «торжеством древле-православия» [12, с. 101].

Термином «*ретрообновленчество*»³ можно обозначить интеллектуальные и духовные процессы внутри современного старообрядчества, стремление выстроить некую старинную на вид реальность в соответствии с собственным

---

² Об авторском понимании пострелигии и ее наполнении см. [22].

³ Термин, используемый современным старообрядческим священником Михаилом Родиным, публицистом и издателем. Примечательно высказывание одного из неофитов-маргиналов, теперь ставшего главой новой старообрядческой номинации: «Некогда гений о. Леонтия Пименова применительно к моей личности породил новый термин: “ретрообновленчество”, неологизм, который, вероятно, означает обновленчество “со знаком минус”. Действительно, я не отрицаю, а даже хвалюсь, что стремлюсь к обновлению Церкви в духе Кормчей книги и традиций средневековья» [3, с. 22].

идейным проектом. Расположение на поверхности, на уровне «набора взглядов» [27, с. 403] – чисто постмодернистская особенность мышления. Однако правомочно ли качественно отделять нынешнее «ретрообновленческое» староверие от староверия «классического»? Разумеется, нынешние апологеты и критики старообрядчества не видят никаких различий, кроме иных вызовов для старообрядческого менталитета – вызовов Современности. Сторонники этой точки зрения (как правило, сами староверы) утверждают, что нынешнее старообрядчество есть «образ Святой Руси»; в сохранении древнего богослужебного чина, обрядовых особенностей, особенностей диалекта, мимики, поведения – в этом и есть продолжение Традиции. Глава РПСЦ митр. Андриан утверждал: «Церковь древлеправославная отличается строгостью, она не пытается “подгонять” Священное Писание к современности, не пытается привести уставы Церкви в соответствие с веяниями века, а свой образ жизни к международному праву. Она признает только Божий авторитет и соизмеряет свою жизнь с образцами христианского жития, которые являют нам великие святые, подвижники православной веры. Она считает необходимым, чтобы вся жизнь человеческая: государственная, общественная, народная и личная, была пропитана религиозными началами, чтобы вся деятельность была освящена Церковью и благословлена Богом, была омовлена и облагодатствована» [4, с. 21].

Исторические старообрядцы жили, молились, трудились, воспитывали детей, получали самообразование изолированно от внешней среды, которая воспринималась ими как боготступническая. В сознании современных старообрядцев, практикующих древнюю литургическую практику, происходит биполярное расхождение. Одна часть сознания провозглашает радикальный отрыв от «мира сего». Другая часть сознания продолжает существовать в «мире сем» со всеми его реалиями: нуклеарной семьей, многоэтажным жильем, общественным транспортом, обязательным школьным образо-

ванием, информационной интегрированностью. Этот разрыв сознания настолько серьезен, что не предполагает обращения к основам староверия – достаточно практиковать двуперстие и молиться продолжительнее, чем «никониане». Никакого бытийственного «заземления» староверия, имевшего место до XX века, сегодня не происходит. Биполярность сознания, маскируясь от самой себя, порождает увлеченную стилизацию, «дизайн поверхностей» [9, с. 253], единственная энергия которого – задел движения посюстороннего, профанного.

Волонтаристская избирательность в вероучении [19], демонстрирующая отсутствие четкого смыслового центра [28] и дающая возможность возникновения на единой древлеправославной основе кардинально разных конфессий, наличествовала в староверии с самого начала. Тот факт, что Аввакума вполне основательно считают своим родоначальником и поповцы, и беспоповцы, – подтверждение тому. В его писаниях есть диаметрально противоположные: например, в одних текстах он запрещает Причастие без исповеди, в других – разрешает и даже рекомендует (если нет благочестивого священства) [7, с. 283]. В одних местах «свет-государь» «равноапостолен», «православен» [1, с. 195], в других – государь «пал» в ересь Никона [2, с. 198]. Эта дискретность, неоднократно предъявляемая староверами как упрек никонианам (например, «Блуждающее богословие» Ф.Е. Мельникова [14]), в достаточной мере свойственна и самим староверам, в особенности сегодня, когда широкое поле выбора идеологием не может не прельстить современного человека, отвыкшего от таких традиционных качеств, как смирение и служение, и стремящегося выбрать уже готовую ценностную систему, соответствующую его внутреннему дискретному наполнению.

Сами староверы озабочены проблемой псевдоидентичности, строящейся на смутном осознании собственной «исключительности» [20]. Старовер-философ Андрей Езеров (РПСЦ) пишет: «Старообрядчество, переставшее быть образом, быть последованием и продолжением

Святой Руси, перестает быть Древлеправославием, Старообрядчеством, чем бы то ни было, а становится бессмысленной, безобразной и грешной пародией на то, что нам дорого и свято, что вдохновлено Всевышним» [11].

Также важно отметить, что на формирование современного старообрядчества повлияла советская информационная блокада, направленная против всего, что связано с христианской культурой старины. В сознании миллионов и поколений миллионов советских граждан религия была полностью изжита из информационного пространства. Virtuозно владея тактикой информационной войны, советские идеологи сформировали виртуальное видение истории «развития» русской «духовной культуры», в которой большое значение отводилось пропагандистам и практикам бунта, а передовые фигуры православной духовности, известные каждому гражданину Российской империи (например, Иоанн Кронштадский), попросту исключались из поля внимания. Такая информационная блокада привела к тому, что в 1990-е годы появились староверы-неофиты, узнавшие об Арсении Уральском и Фёдоре Мельникове *раньше*, чем о Митрофане Воронежском и Феофане Затворнике. На почве совершенного нивелирования духовных символов и смыслов появилась возможность произвольной избирательности величины веса для своих авторитетов. В противоположность современному позиционированию старообрядческие мыслители «классического» периода не дерзали противопоставлять *всю* старообрядческую духовность *всей* новообрядческой, отрицать весь духовный опыт Греко-Российской Православной Церкви как однозначно еретический. Например, Владимир Рябушинский в своей книге о старообрядческом мировоззрении положительно сравнивал старообрядцев, святых древности и новообрядческих святых современности [18, с. 50].

Исходя из вышеописанного, можно предложить иное понятие, иллюстрирующее сущность современного староверия как духовного движения, – «*младостарообрядчество*»⁴. Превалирующее большинство современных старообрядцев всех согласий являются неофитами по факту и по сути. Даже если их воцерковление в 1990-е годы было возвращением к фамильной «вере предков», изучали они эту веру, как правило, по книгам. Причиной было советское прошлое, вытеснившее религиозную жизнь и практически не оставившее возможностей для преемственности староверческой духовности. И постижение основ древлеправославия из книг не могло быть никаким иным, кроме как деконструктивным, учитывающим поправки на исторический, культурный и личностный контексты. Арбитром, определяющим адекватность собственных интеллектуальных построений Традиции, является *сознание самого современного верующего*. И грань, отделяющая переходящего пределы искателя «древлего благочестия» от адекватного реконструктора, опять же подробно описана постмодернистами – это фактор коллективной устойчивости⁵.

Единственным условием, которое способно было удержать неофитов от принятия стиля за действительность, могло бы быть изживание означенной выше биполярности сознания через возрождение традиционного *древлеправославного образа жизни*, домостроевского уклада, внеположного «миру сему». Однако этого не произошло: староверы полностью вовлечены в секулярные социальные реалии «мира сего», лишь ретушированные ситуативной ретроэкстравагантностью, и именно это, а не еретическое умствование, является действительной инверсией Сакрального, истинным разложением Традиции [25, с. 378]. Очень немногие из староверов утверждали и утверждают, что для полноценного вхождения в Древлеправославие необходим отрыв от окружающего мира [17],

---

⁴ Термин, использованный патриархом Кириллом. См. [12].

⁵ Ср.: «В постмодернистической обстановке политические и нравственные убеждения свидетельствуют не о твердой вере, а о солидарности с группой» [8, с. 183].

что традиционализм на практике есть не изменение мировоззрения, но изменение образа жизни. Напротив, в старообрядческой среде более слышны голоса о возможности выживания в «мире сем», о том, что Современность дает возможностей старообрядчеству больше, чем «эпоха царизма» [13, 24].

Современная трансформация старообрядчества, совершившего невероятный скачок от традиционности к пострелигиозности, показывает огромное внимание Постмодерна к островам Домодерна. Сегодня для довершения глобальной десакрализации используются совершенно новые ментальные инструменты, неизвестные прежде. Эти инструменты, являющиеся одновременно и манифестациями пострелигии, ориентированы в первую очередь на сознание, сохранившее весомую долю традиционности. Образ чисто мирского модернистского сознания на сегодняшний день устарел, выполнив свою историческую миссию. Всеобщая и массовая религиозная гальванизация является симптомом слома модернистского сознания.

Однако Постмодерн, отрицая модернистское сознание как устаревшую версию десакрализационной программы, вынужден обратиться к диалектическому антиподу Модерна – Традиции. И обращение это сегодня не означает обращения к сущности Традиции. Плоскостный, двухмерный рисунок, получающийся при коллажировании внешних элементов Традиции, оказывается лучшей вакциной от Традиции, чем прямая с ней борьба. Одним из лучших примеров этой трансформированной ресекюляризации и является современная история старообрядчества.

Трудно и неправомочно обсуждать, насколько адекватен современный старообрядческий традиционализм, – это вопрос духовный, сущностно закрытый от философского анализа. Но грандиозная феноменологическая трансформация современного старообрядчества налицо. И это позволяет нам делать достаточно драматические выводы о возможностях Мирского в современном отношении к Священному, о роли и силе постмодернистской ментальной секуляризации в форме пострелигии – плоскостной имитации Традиции.

Список литературы

1. *Аввакум*. «Вторая» челобитная // Пустозерские узники – свидетели Истины: сб. / сост. Зосима (Еремеев), еп. Ростов н/Д., 2009. С. 194–196.
2. *Аввакум*. «Пятая» челобитная // Пустозерские узники – свидетели Истины: сб. / сост. Зосима (Еремеев), еп. Ростов н/Д., 2009. С. 196–203.
3. *Алимпий (Вербицкий), еп.* Автобиографический очерк // Слово Церкви. 2010. Вып. 2. С. 22–26.
4. *Анриан, еп. Казанско-Вятский*. Старообрядчество как часть общенациональной культуры // Старообрядчество как историко-культурный феномен: материалы МНПК. Гомель, 2003. С. 17–22.
5. *Арсений Уральский (Швецов), еп.* Оправдание Старообрядствующей Святой Христовой Церкви в ответах на притязательные и недоумительные вопросы настоящего времени. Письма. М., 1999.
6. *Бороздин А.К.* Очерки русского религиозного разномыслия. СПб., 1905.
7. *Бороздин А.К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1900.
8. *Вейз-мл. Дж.Э.* Времена Постмодерна: Христианский взгляд на современную мысль и культуру. М., 2002.
9. *Гиренок Ф.И.* Патология русского ума: Картография дословности. М., 1998.
10. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата по вопросам взаимоотношений с Русской Зарубежной Церковью и Старообрядчеством. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/429631.html> (дата обращения: 23.05.2013).
11. *Езеров А.В.* О наших недостатках (Немощь современного старообрядчества) // Остров веры. 2001. № 4. С. 18–40.
12. *Заволоко И.Н.* История Церкви Христовой. Рига, 1937.
13. *Лоскутов Ю.В.* Старая вера и Третья Волна: Размышления о будущем старообрядчества. URL: <http://rpsc-perm.ru/publications/present/wave.pdf> (дата обращения: 15.08.2014).

14. Мельников Ф.Е. Блуждающее богословие // Мельников Ф.Е. В защиту старообрядческой иерархии. Блуждающее богословие. Об именованном перстосложении. Барнаул, 2002. С. 111–316.
15. Мельников Ф.Е. В защиту старообрядческой иерархии. Блуждающее богословие. Об именованном перстосложении. Барнаул, 2002.
16. Муравьев А.В. Вера Отеческая // Старообрядецъ. 2007. № 39. С. 21.
17. Перегудов Д. О косности, страданиях и горении. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/236-1-0-887> (дата обращения: 23.05.2013).
18. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / сост. В.В. Нехотин, М.Л. Гринберг. М., 2010. С. 31–146.
19. Сидаш Т.Г. От Евангелия к Единоверию. URL: <http://sidashtaras.ru/?idx=466> (дата обращения: 15.08.2014).
20. Соловьев Е.Е. Там, где Рим Второй пал, а Третий – где?!.. (Морское путешествие к истокам) // Белая Креница. 2002. № 2–3. С. 93–95.
21. Товбин К.М. Параметры традиционной духовности // Вестн. НГУЭУ. 2013. № 1. С. 162–180.
22. Товбин К.М. Постмодернистская религиозность: традиционалистическое видение // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Обществ. науки. 2013. № 1. С. 210–222.
23. Усов И.Г. Церковь Христова временно без епископа. Новосибирск, 2008.
24. Чунин Е., прот. Большой соблазн. URL: <http://blackmonk.ru/pastor/echunin/tv2008.shtml> (дата обращения: 15.08.2014).
25. Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб., 2005.
26. Asad T. Trying to Understand French Secularism // Political Theologies: Public Religions in a Post-Secular World / ed. by H. Vries, L.E. Sullivan. N. Y., 2006. P. 494–526.
27. Cavanaugh W.T. “A Fire Strong Enough to Consume the House”: The Wars of Religion and the Rise of the State // Modern Theology. 1995. Vol. 11, № 4. P. 397–420.
28. Hassan I. From Postmodernism to Postmodernity: The Local/Global Context. URL: http://www.ihabhassan.com/postmodernism_to_postmodernity.htm (дата обращения: 23.05.2013).
29. Smith H. Why Religion Matters: The Fate of the Human Spirit in an Age of Disbelief. N. Y., 2001. P. 20–21.

References

1. Avvakum. “Vtoraya” chelobitnaya [“The Second” Petition]. *Pustozerskie uzniki – svideteli Istiny: sb.* [Pustozersk Prisoners – Witnesses to the Truth: Collection]. Rostov-on-Don, 2009, pp. 194–196.
2. Avvakum. “Pyataya” chelobitnaya [“The Fifth” Petition]. *Pustozerskie uzniki – svideteli Istiny: sb.* [Pustozersk Prisoners – Witnesses to the Truth: Collection]. Rostov-on-Don, 2009, pp. 196–203.
3. Alimpiy (Verbitskiy), bishop. Avtobiograficheskiy ocherk [Autobiographical Essay]. *Slovo Tserkvi* [The Word of the Church]. 2010. Iss. 2, pp. 22–26.
4. Andrian, bishop of Kazan and Vyatka. Staroobryadchestvo kak chast’ obshchenatsional’noy kul’tury [The Old Belief as a Part of National Culture]. *Staroobryadchestvo kak istoriko-kul’turnyy fenomen: materialy MNPk* [The Old Belief as a Historical and Cultural Phenomenon: Proc. Int. Sci. Conf.]. Gomel, 2003, pp. 17–22.
5. Arseniy Ural’skiy (Shvetsov), bishop. *Opravdanie Staroobryadstvuyushchey Svyatoy Khristovoy Tserkvi v otvetakh na prityazatel’nye i nedoumitel’nye voprosy nastoyashchago vremeni. Pis’ma* [Answers of the Old Believers’ Holy Church of Christ to Pretentious and Puzzling Questions of the Present Time. Letters]. Moscow, 1999.
6. Borozdin A.K. *Ocherki russkogo religioznogo raznomysliya* [Essays on Russian Religious Disagreements]. St. Petersburg, 1905.
7. Borozdin A.K. *Protopop Avvakum: Ocherk iz istorii umstvennoy zhizni russkogo obshchestva v XVII veke* [Archpriest Avvakum: Essay from the History of the Intellectual Life of Russian Society in the 17th Century]. St. Petersburg, 1900.
8. Veith Jr. G.E. *Postmodern Times: A Christian Guide to Contemporary Thought and Culture*. 1994 (Russ. ed.: Veyz-m. Dzh.E. *Vremena Postmoderna: Khristianskiy vzglyad na sovremennuyu mysl’ i kul’turu*. Moscow, 2002).
9. Girenok F.I. *Patologiya russkogo uma: Kartografiya doslovnosti* [Pathology of the Russian Mind: Mapping Literalness]. Moscow, 1998.
10. *Report of Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad, Chairman of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate on Relations with the Russian Orthodox Church Outside Russia and the Old Believers*. Available at: <http://www.sedmitza.ru/text/429631.html> (accessed 23 May 2013) (in Russian).

11. Ezerov A.V. O nashikh nedostatkakh (Nemoshch' sovremennogo staroobryadchestva) [On Our Shortcomings (the Infirmary of Modern Old Believers)]. *Ostrov very*, 2001, no. 4, pp. 18–40.
12. Zavoloko I.N. *Istoriya Tserkvi Khristovoy* [The History of the Church of Christ]. Riga, 1937.
13. Loskutov Yu.V. *Staraya vera i Tret'ya Volna: Razmyshleniya o budushchem staroobryadchestva* [The Old Faith and the Third Wave: Reflections on the Future of Old Believers]. Available at: <http://rpsc-perm.ru/publications/present/wave.pdf> (accessed 15 August 2014).
14. Mel'nikov F.E. Bluzhdayushchee bogoslovie [Errant Theology]. *V zashchitu staroobryadcheskoy ierarkhii. Bluzhdayushchee bogoslovie. Ob imenoslovnom perstoslozhenii* [In Defense of the Old Believers' Hierarchy. Errant Theology. On Stavros Blessing]. Barnaul, 2002, pp. 111–316.
15. Mel'nikov F.E. *V zashchitu staroobryadcheskoy ierarkhii. Bluzhdayushchee bogoslovie. Ob imenoslovnom perstoslozhenii* [In Defense of the Old Believers' Hierarchy. Errant Theology. On Stavros Blessing]. Barnaul, 2002.
16. Murav'ev A.V. Vera Otecheskaya [Patristic Faith]. *Staroobryadets'*, 2007, no. 39, p. 21.
17. Peregudov D. *O kosnosti, stradaniyakh i gorenii* [On Stagnation, Suffering and Burning]. Available at: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/236-1-0-887> (accessed 23 May 2013).
18. Ryabushinskiy V.P. *Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo* [The Old Belief and Russian Religious Feeling]. Moscow, 2010, pp. 31–146.
19. Sidash T.G. *Ot Evangeliya k Edinoveriyu* [From the Gospel to Edinoverie]. Available at: <http://sidashtaras.ru/?idx=466> (accessed 15 August 2014).
20. Solov'ev E.E. Tam, gde Rim Vtoroy pal, a Tretiy – gde?!.. (Morskoe puteshestvie k istokam) [There, Where the Second Rome Fell, Where's the Third One?!.. (A Voyage Back to the Roots)]. *Belaya Krinitsa*, 2002, no. 2–3, p. 95.
21. Tovbin K.M. Parametry traditsionnoy dukhovnosti [Parameters of Traditional Spirituality]. *Vestnik NGUEU*, 2013, no. 1, pp. 162–180.
22. Tovbin K.M. Postmodernistskaya religioznost': traditsionalisticheskoe videnie [Post-Modernist Religiosity: A Traditionalist's View]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennyye nauki*, 2013, no. 1, pp. 210–222.
23. Usov I.G. *Tserkov' Khristova vremenno bez episkopa* [The Church of Christ ad interim Without a Bishop]. Novosibirsk, 2008.
24. Chudin E., archpriest. *Bol'shoy soblazn* [The Great Temptation]. Available at: <http://blackmonk.ru/pastor/echudin/tv2008.shtml> (accessed 15 August 2014).
25. Evola J. *Osedlat' tigra* [Ride the Tiger]. St. Petersburg, 2005.
26. Asad T. Trying to Understand French Secularism. *Political Theologies: Public Religions in a Post-Secular World*. Ed. by H. Vries, L.E. Sullivan. New York, 2006, pp. 494–526.
27. Cavanaugh W.T. "A Fire Strong Enough to Consume the House": The Wars of Religion and the Rise of the State. *Modern Theology*, 1995, vol. 11, no. 4, pp. 397–420.
28. Hassan I. *From Postmodernism to Postmodernity: The Local/Global Context*. Available at: http://www.ihabhassan.com/postmodernism_to_postmodernity.htm (accessed 23 May 2013).
29. Smith H. *Why Religion Matters: The Fate of the Human Spirit in an Age of Disbelief*. New York, 2001, pp. 20–21.

Tovbin Kirill Mikhailovich

Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia)

MODERN OLD BELIEVERS: BETWEEN DECONSTRUCTIVISM AND TRADITIONALISM

The paper looks into today's Old Belief which has turned from the bearer and reviver of the tradition into an element of post-religiousness by means of informatization, virtualization and lack of ontological background. Mentally and intellectually protesting against the pressure of ideology and sensuality of modernity, Old Believers had to use the intellectual techniques that formed the basis for postmodernity. However, in the 17th through the 20th centuries, these techniques of "naive postmodernity" were compensated by ontological foundations of the natural lifestyle and epistemological foundations of traditional spirituality. Without these mental brakes, destroyed in the USSR – the country of triumphant secularism, – the Old Belief was rapidly virtualizing in the late 20th century and is now being actively

involved in mental postmodern collage in the mainstream of popular neo-fundamentalism and pseudo-traditionalism. Similar processes occur and are studied in other versions of traditional spirituality, which are successfully revived by Postmodernity, making them trouble-free in order to reach the maximum point of desacralization: turning religion into a game. The author used the methods of the Traditionalist School (R. Guénon, J. Evola, T. Burckhardt, S.H. Nasr, F. Schuon, J. Cutsinger, J. Borella, A. Dugin, etc.). This study applied general reduction of postreligion to the real parameters of the current worldview and mentality of Old Believers, or rather the Old Believers' reflection in the media (including the Old Believers' ones) which are now living an independent life in full accordance with the canons of Postmodernity. In addition, the author dwells on two major foundations of Postmodernity: deconstruction and splitting in today's Old Believers' worldview, their gradual genesis and modern effect.

Keywords: *Old Belief, Orthodoxy, retro-renovationalism, creative interpretation, Young Old Belief, deconstruction, rhizome, Postmodernity, postreligion.*

Контактная информация:

адрес: 693000, г. Южно-Сахалинск, ул. Физкультурная, д. 126а, кв. 6;
e-mail: kimito@yandex.ru

Рецензент – *Аринин Е.И.*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых